

На правах рукописи

Евстафьев Никита Владимирович

**Межконфессиональные отношения христиан и мусульман
в болгарских землях Османской империи
(по материалам славянской агиографии XVI в.)**

Специальность 5.6.2 – Всеобщая история
(Средние века и раннее Новое время)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва, 2025

Работа выполнена в Отделе истории Средних веков Федерального государственного бюджетного учреждения науки **Институт славяноведения РАН**

Научный руководитель:

кандидат исторических наук Турилов Анатолий Аркадьевич
(ФГБУН Институт славяноведения РАН, ведущий научный сотрудник Отдела истории Средних веков)

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук Польшваный Дмитрий Игоревич
(ФГБОУ ВО Ивановский государственный университет, руководитель Научно-образовательного центра интеграции науки и образования, профессор)

кандидат исторических наук Белякова Елена Владимировна
(ФГБУН Институт российской истории РАН, ведущий научный сотрудник Центра истории религии и церкви)

Ведущая организация:

ОЧУ ВО Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

Защита состоится _____ 2025 г. в _____ часов на заседании диссертационного совета 24.1.121.01 (Д 002.248.01) по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук и кандидата исторических наук при Институте славяноведения РАН по адресу: 119334, г. Москва, Ленинский проспект, 32А, корпус «В», 9-й этаж, ауд. 901.

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном совете Института славяноведения РАН. Автореферат размещён на сайте ИСл РАН: <http://www.inslav.ru> и ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ
Автореферат разослан _____ 2025 г

Ученый секретарь

диссертационного совета

кандидат исторических наук

К.В. Мельчакова

© Институт славяноведения РАН

Общая характеристика работы

Постановка проблемы. К началу XVI в. болгарские земли и бóльшая часть Балканского полуострова входили в административно-политическую структуру Османской империи. Ее православное население находилось под культурным и конфессиональным владычеством мусульманского государства и было лишено предоставлявшихся другим народам прав по религиозному признаку. В XVI в. Османская империя переживала расцвет своего военного и политического могущества, ее внешние успехи сопровождались внутренней консолидацией имперской власти. Косвенное, вызванное по большей части социальным и экономическим давлением, принуждение к смене вероисповедания в это время достигло серьезных успехов, что наиболее заметно отразилось на исламизации балканских городов.

В XVI столетии пострадало за веру больше православных христиан, чем в первые десятилетия османской власти. В славянской традиции известно почитание таких мучеников, как Иоанн Новый Серрский (ум. 1507), Антоний Супрасльский (ум. 1507 или 1508), Георгий Новый Кратовец (Софийский) (ум. 1515), Георгий Новейший Софийский (ум. между 11.02.1515 и 1538) и Николай Новый Софийский (ум. 1555). Подвиг этих святых нашел отражение в соответствующей житийной литературе, а также в службах и похвальных словах. Жития балканских мучеников или мартирии – это памятники православной литературы, один из немногих славянских источников о положении подвластного Османской империи христианского населения. Жития как сочинения религиозного характера позволяют выявить представления христианских авторов об османских властях и простых мусульманах и определить как значимую **проблему отражения межконфессиональных отношений православных христиан болгарских земель и мусульман (в том числе османских властей) в славянской агиографии XVI в.**

Актуальность темы исследования. Проблематика межкультурного и культурно-цивилизационного взаимодействия христиан и мусульман на Балканах и в Юго-Восточной Европе по сей день остается весьма актуальной. Тем важнее обратиться к истокам этого процесса, исследовать один из ранних этапов формирования межконфессиональных отношений в широком контексте, их отражение в сочинениях славянской агиографии XVI в. Разностороннее изучение житийных памятников XVI в. позволяет системно проанализировать как самоидентификацию подвластных Османской империи славян, прежде всего болгар, так и характерные черты образа иноверного Другого в их картине мира на примере соседей-мусульман и имперских чиновников. В современной болгарской историографии происходит процесс переосмысления периода

османского владычества на Балканах, его роли в формировании этнонациональной идентичности и культурного своеобразия болгар, что порождает острые дискуссии вокруг отдельных явлений иноверной и инокультурной власти Порты над славянским населением. Анализ процессов православно-мусульманского взаимодействия в его «османском» варианте позволяет уточнить специфические формы таких отношений и их трактовку, характерную для XVI века, в том числе и в контексте западноевропейского религиозного противостояния в первое столетие протестантизма.

Научная новизна исследования определяется недостаточной изученностью в историографии (в особенности отечественной) образов мусульман и османских властей в славянской агиографии. Сами агиографические сочинения XVI в., история их появления, их авторство, а также их списки и редакции имеют давнюю традицию изучения и продолжают находиться в сфере внимания специалистов. Однако комплексного исследования характеристик и оценок мусульман в таких источниках ранее не проводилось. Определенную новизну исследованию придает также привлечение автором агиографических памятников, прежде не становившихся предметом изучения специалистов по истории Балкан, как, например, житие Антония Супрасльского, а также до сих пор неопубликованное и не введенное в научный оборот славянское житие Иоанна Нового Серрского.

Выбор мартириев как основного источника по межконфессиональным отношениям христиан и мусульман Османской империи во многом определяет **хронологические рамки исследования**, которые ограничиваются XVI столетием. Именно в XVI в. ускоряются исламизационные процессы в балканских городах, и в этом регионе полностью утверждается власть Османской империи, а славянское население ее балканских владений во многом теряет прежнюю этническую и культурную самоидентификацию, растворяясь в общей массе православных христиан. XVI в. является своеобразным рубежом между балканскими Средними веками и ранним Новым временем – периодом, когда отдельные особенности межрелигиозного взаимодействия становятся более отчетливыми. Это столетие нередко также называют апогеем османского могущества, хотя после смерти султана Сулеймана I в 1566 г. и, особенно, к концу века наметился грядущий упадок Османской империи.

Географические рамки исследования ограничены балканскими владениями Османской империи – прежде всего это регионы, населенные болгарами. Границы болгарских земель в Османской империи трудноопределимы, однако в них принято включать территории современной Болгарии, области южной и северной Македонии и южной Сербии. Эти географические рамки остаются условными, они основываются на

свидетельствах западных путешественников и соотносятся с границами церковно-административных единиц. Помимо болгарских кафедр, оказавшихся под властью Константинопольской патриархии, существовали кафедры под юрисдикцией архиепископа Охрида, по-прежнему определявшего себя как архиепископа «всех болгар». В 1557 г. была восстановлена сербская Печская патриархия, и ее первые владыки титуловали себя патриархами «всех болгар и сербов»¹. Местом действия в рассматриваемой агиографии нередко выступает София, в тот период – административный центр Румелии, а также некоторые города за пределами болгарских земель: Фессалоника и Серры. Широкий ареал происхождения сочинений славянской агиографии также предполагает выход за обозначенные рамки и обращение, в частности, к землям восточных славян, где почитались некоторые балканские мученики.

Объект исследования – это славянские жития и иные памятники XVI в., посвященные святым, пострадавшим за веру на балканских землях Османской империи.

Предметом исследования выступают запечатленные в этих славянских житиях (и иных произведениях православных авторов) XVI в. межконфессиональные отношения православных христиан и мусульман в болгарских землях Османской империи.

Основная цель исследования – выявить и проанализировать особенности межконфессиональных отношений османских властей и мусульманского населения на Балканах с православными, славянскими, в первую очередь болгарскими подданными Османской империи, запечатленные в славянских житийных произведениях XVI в.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Сопоставить положение подвластного Османской империи славянского (болгарского) населения и православных церковных институтов с положением иных религиозных групп империи;
2. Определить географические пределы распространения в славянском мире почитания того или иного пострадавшего на Балканах (в болгарских землях) святого;
3. Проанализировать представленное в славянской агиографии взаимодействие между православными христианами (в первую очередь – мучеником) и османскими властями и, отдельно, судьями;

¹ Георгиева Ц. Пространство и пространства на българите. XV–XVII век. София, 1999. С. 16–41.

4. Установить, как в сочинениях славянской агиографии отражаются особенности мусульманского права, а также отдельных османских административных практик, таких как девширме;
5. Выявить особенности межконфессиональных отношений православных христиан и рядовых членов мусульманской общины, представленные в славянской агиографии XVI в.;
6. Исследовать исторические явления криптохристиан и криптохристианства на материале славянских житийных произведений XVI в.

Методологической основой диссертационного исследования стал комплекс методов исторической науки – общенаучных (историзм и научная объективность) и специальных. Ко вторым относятся *метод компаративного анализа* и *метод структурного анализа*. В рамках выбранной темы применяется *микроисторический подход*, поскольку в житиях описывается мученическая гибель конкретного святого, претерпевающего гонения со стороны иноконфессиональной власти. В работе был использован арсенал междисциплинарных подходов. Во-первых, успешно применяемых в *имагологии*, что позволило выявить и верифицировать представленные в агиографии образы Другого (мусульманского населения и османских властей). Во-вторых, *методы исторической антропологии*, с помощью которых устанавливаются культурные особенности общества, сложившегося в Османской империи XVI в. При работе с сочинениями XVI в. и с различными списками житий использовались некоторые *источниковедческие техники*, – в частности, *метод текстологического анализа*, принципиально важный для интерпретации текстов данного жанра христианской литературы.

Источниковая база исследования достаточно обширна. В первую очередь она состоит из *житий святых и других источников на славянских языках*.

Первая подгруппа источников включает в себя *сочинения агиографии*. Одним из первых мучеников, пострадавших за веру в XVI в., был Иоанн Новый Серрский, погибший в мае 1507 г. Долгое время посвященные ему житие и служба были известны только в греческой традиции, однако в 2002 г. А.А. Турилов обнаружил в Одесской научной библиотеке им. Горького (ныне – Одесская национальная научная библиотека) славянское житие².

² ОННБ. № 1/119. Сборник смешанного содержания («Сборник А. Кухарского»). Л. 367–375 (посл. четв. XVI в.). Текст жития Иоанна Нового Серрского до сих пор остается неопубликованным, поэтому автор выражает благодарность А.А. Турилову за возможность работы с предоставленным источником.

Подвиг Иоанна Серрского вдохновил другого мученика – Антония Супрасльского. Этому святому посвящено житие, единственный список которого (ГИМ, собр. А.С. Уварова, № 56-Ф, л. 478–479 об.) также недавно открыл А.А. Турилов. Он же предположил, что святой пострадал за веру вскоре после мая 1507 г. и несомненно до 1515 г.³ На Балканах Антоний был пришельцем: на Афон он прибыл из Супрасльского монастыря в Западной Белоруссии.

Георгий Новый Кратовец (Софийский) погиб в 1515 г. Самый ранний из списков его жития – Афонский, относящийся к третьей четверти XVI в. (Хиландар 479), который издал сербский медиевист Д. Богданович в 1976 г.⁴ Этому святому посвящено наибольшее число списков житий и служб; некоторые из них относятся к XVI в. Популярность Георгия Кратовца распространилась и за пределы Балкан. В 1530-е гг. благодаря посланникам с Афона весть о мученической смерти Георгия достигла Московского государства. Так появилась русская версия жития св. Георгия, составленная около 1538–1539 гг. псковским пресвитером Ильей и сохранившаяся во множестве списков. Одно из самых обширных исследований жития провел российский ученый И.И. Калиганов, он же издал текст по старейшему списку конца 1530-х гг. (ГИМ. Барс. № 313, л. 524 об.–542 об.)⁵.

Самое ценное из южнославянских житий – житие Николая Нового Софийского, погибшего в 1555 г. Автором сочинения был Матей Грамматик, «дьяк и лампадарий» Софийской митрополичьей церкви. Единственный из сохранившихся списков жития был составлен в 1564 г. попом Лазарем из Кратово (ЦИАИ БП, № 1521, л. 41а–208б). В начале XX в. он был издан русским ученым П.А. Сырку⁶. Это обширное сочинение содержит много значимых подробностей о жизни христиан в Османской империи и об их отношениях с мусульманами.

³ Турилов А.А. Житие преподобномученика Антония Супрасльского и славянские жития балканских мучеников XVI в.: К постановке проблемы // *Hagiographia Slavica*. München – Berlin – Wien, 2013 (= Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband. Bd. 82). С. 266–271.

⁴ Богдановић Д. Житије Георгија Кратовца // *Зборник историје књижевности / Одељење језика и књижевности САНУ*. Београд, 1976. Књ. 10. С. 230–265.

⁵ Мучение святого и славного великомученика Георгия Нового // *Калиганов И.И.* Георгий Новый у восточных славян. М., 2000. С. 209–218.

⁶ Сырку П.А. Очерки из истории литературных сношений болгар и сербов в XIV–XVII веках. Житие св. Николая Нового Софийского по единственной рукописи XVI в. (Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Т. LXXI, № 2). СПб., 1902. С. 27–143.

Большое значение для настоящего исследования имеет предпринятое в 2002 г. издание и исследование Мазуринской Кормчей⁷, знаменитого памятника славянского церковного права. Кормчая книга издана по русским спискам XIV–XVI вв., которые восходят к Кормчей Сербской редакции и отражают церковное право в том числе балканских славян. Мазуринская Кормчая построена тематически и разделена на титулы, особый интерес представляет статья «о вере срацинской».

Еще один славянский источник – *записи писцов* в книгах, которые были собраны в издании болгарских ученых Б. Христовой, Д. Караджовой и Е. Узуновой⁸. Некоторые из записей содержат имена писцов и тех, кто заказывал создание новых списков. Иногда в них можно найти примеры, относящиеся к межконфессиональным отношениям: образы «проклятых агарян» и характеристики отдельных явлений османской жизни – в частности, девширме.

К славянским источникам относятся также *сочинения* посетивших Балканы путешественников из стран Центральной и Восточной Европы на славянских языках. Вацлав Будовец из Будова состоял в 1577–1584 гг. при посольстве Священной Римской империи в Константинополе и впоследствии составил сочинение под названием «Антиалькоран», которое было издано на чешском языке в 1614 г. в Праге; современное издание вышло под редакцией историка Н. Рейхртовой в 1989 г.⁹ Чех Вацлав Вратислав из Митровиц сопровождал посольство Габсбургов в Константинополь в 1591 г. и оказался в турецком плену. По возвращении из плена в 1599 г. он составил на чешском языке сочинение о своих злоключениях, изданное в 1777 г. в Праге¹⁰.

Вспомогательную роль в исследовании играют западные источники: сочинения и записки церковных и светских западноевропейских деятелей.

Это, в частности, публикации путешественников, посетивших Балканы в XVI в. Большая их часть была издана в переводе на болгарский язык в изданиях «Французские путевые записки о Балканах»¹¹ и «Немецкие и австрийские путевые записки о Балканах»¹². Однако эти издания нельзя назвать

⁷ Мазуринская Кормчая: Памятник межславянских культурных связей XIV–XVI вв. Исследование. Тексты / Изд. подг. Е.В. Белякова, К. Илиевская, О.А. Князевская, Е.И. Соколова, И.П. Старостина., Я.Н. Щапов. М., 2002.

⁸ Христова Б., Караджова Д., Узунова Е. Бележки на български книжовници X–XVIII в. Т. II. XVI–XVIII век. София, 2004.

⁹ Vaclav Budovec z Budova. Antialkoran Vaclav Budovec z Budova. Praha, 1989.

¹⁰ Přijhody Wáclawa Wratislawa Swobodného Pána z Mitrowic, které on w tureckém hlawnjm Městě Konsstantynopoli widěl, w Zagetj swém skusyl, a po sstiaštném do Wlasti své Nawrácenj sám Léta Páně 1599 sepsal. Praha, 1777.

¹¹ Цветкова Б.А. Френски пътеписи за Балканите XV–XVIII век. София, 1975.

¹² Йонов М.П. Немски и австрийски пътеписи за Балканите XV–XVI век. София, 1979.

исчерпывающими, потому что тревелогии этих европейцев изданы выборочно, с упором на их свидетельства о болгарских землях, поэтому в диссертации учтены и оригинальные издания. В настоящем исследовании были рассмотрены: записи уроженца Далмации Антуна Вранчича, который был участником двух посольств Священной Римской империи (1553 г. и 1567 г.), труд врача и участника посольства 1547 г. француза Пьера Белона, «Письма» дипломата и ученого на службе Габсбургов Ожье Гислена де Бусбека, находившегося в Константинополе с перерывами с 1553 г. по 1562 г., и сочинения других авторов.

Самые обширные сведения о положении иноверцев в Османской империи обнаруживаются в записках Стефана Герлаха, лютеранского богослова и дипломата империи Габсбургов. Его «Дневник» состоит из подробных, почти каждодневных заметок о пребывании в Константинополе, поездках по Османской империи, включая Балканы и Малую Азию, в период с 1573 по 1578 гг. Полное немецкое издание сочинения вышло в 1674 г., благодаря усилиям потомка Стефана Герлаха – Самуила Герлаха. В 1976 г. был также опубликован болгарский перевод «Дневника»¹³.

Важны для диссертации османские источники – в частности, *свод законов*: например, канун-наме Сулеймана I Кануни. В диссертации используется болгарское издание канун-наме, вышедшее в свет в 1961 г. в переводе османистов Г. Гылыбова и А. Христова в первом томе сборника «Турецкие источники по истории права в болгарских землях»¹⁴.

Нельзя обойти вниманием и сборники документов из серии «Турецкие источники по истории Болгарии» (ТИБИ), а именно 3, 5 и 7 тома этой серии¹⁵, в которых собраны документы, относящиеся в том числе к XVI в.: султанские *ферманы*, регулирующие положение, например, войнуков, *регистры (списки) владений тимариотов*, среди которых и в XVI в. встречаются христиане.

Важны для исследования *протоколы кадийских судов*, поскольку в житиях описывается судебный процесс над будущим мучеником. Один из наиболее полных каталогов софийских протоколов издал (под редакцией австрийского ориенталиста Г. Дуды) в Мюнхене на немецком языке в 1960 г. болгарский ученый Г. Гылыбов¹⁶. Главное достоинство издания состоит в том, что в нем собрано почти 1200 судебных документов, относящихся к 1542–1647 гг. Однако протоколы представляют собой лишь краткие описания, что объясняется утратой части этих источников во время бомбардировок Софии в

¹³ Герлах Ст. Дневник на едно пътуване до Османската порта в Цариград. София, 1976.

¹⁴ Гъльбов Г. Турски извори за историята на правото в българските земи. Том I. София, 1961.

¹⁵ ТИБИ. Т. 3. София, 1972; ТИБИ. Т. 5. София, 1974; ТИБИ. Т. 7. София, 1986.

¹⁶ Galabov G.D. Die Protokollbücher des Kadiamtes Sofia. München, 1960.

1944 г. Часть протоколов была издана полностью в переводе на болгарский язык во втором томе сборника «Турецкие источники по истории права в болгарских землях» под редакцией Б. Цветковой. Перевод источников осуществили болгарские османисты Б. Цветкова, Г. Гылыбов и др.¹⁷

В целом репрезентативная источниковая база позволяет решить поставленные исследовательские задачи.

Степень изученности темы. Межконфессиональные отношения в болгарских землях Османской империи в широком хронологическом диапазоне, в частности и в XVI в., и прежде становились предметом специальных исследований российских, болгарских и западноевропейских ученых. Еще более обширна научная литература, посвященная истории, а также отдельным событиям и процессам в Османской империи в рассматриваемый период. Историографический обзор диссертации построен по проблемно-тематическому принципу, и начинается с истории открытия и изучения основных житийных памятников XVI в.

Георгий Новый Софийский (Кратовец) – один из самых известных балканских святых XVI в., память о котором сохранялась в болгарских землях Османской империи в последующие времена. Первое издание жития, предпринятое сербским филологом Дж. Даничичем по рукописи XVII в., относится еще к 1862 г.¹⁸ Важный вклад в изучение жития Георгия Нового Софийского сделал болгарский ученый П. Динеков, посвятивший монографию автору этого жития попу Пейю¹⁹. Огромное значение имеет труд сербского ученого Д. Богдановича, который собрал все известные южнославянские списки пространного и краткого жития Георгия Нового и издал текст пространного жития по древнейшему списку третьей четверти XVI в. В 1986 г. в серии изданий «Староболгарская литература» (под редакцией Кл. Ивановой) вышел комментированный болгарский перевод пространного жития Георгия Нового Софийского, выполненный А. Даскаловой²⁰. В современных исследованиях уточнены вопросы распространения культа св. Георгия, объектом изучения выступают не только тексты, но и памятники изобразительного искусства²¹.

¹⁷ Цветкова Б. Турски извори за историята на правото в българските земи. Том II. София, 1971. С. 103–192.

¹⁸ Даничић Ђ. Службе Србима свецима // Видов Дан. 1862. Бр. 23–25.

¹⁹ Динеков П. Софийски книжовници през XVI в. Том I. Поп Пейо. София, 1939.

²⁰ Мъчение на Георги Нови Софийски от Поп Пейо // Стара българска литература / съст.: Кл. Иванова. София, 1986. Т. 4. Житиеписни творби. С. 291–308.

²¹ Гергова И. Св. Георги Нови Софийски. Разпространение и аспекти на култа // Изкуствоведски четения. 2015. № 1. Герои. Култове. Светци. София, 2015. С. 45–72.

Отдельный вопрос связан с изучением русского жития Георгия Нового. К житию обращался еще А.И. Яцимирский, издавший его по списку 1552 г.²² Наибольший вклад в изучение данного литературного памятника внес российский ученый И.И. Калиганов, автор монографии «Георгий Новый у восточных славян»²³.

Житие Николая Нового Софийского и посвященная ему служба известны лишь в одной рукописи 1564 г., которую открыл русский ученый П.А. Сырку во время поездки в Болгарию в 1878–1879 гг. и, позднее, опубликовал. К памятникам, посвященным Николаю Новому, обращались русский ученый-эмигрант В.А. Розов²⁴, болгарский историк И. Снегаров²⁵, а в 1950-е гг. – болгарский ученый В. Киселков²⁶. Позднее в своей диссертации болгарский ученый С. Райчинов обратился к личности книжника Матей Грамматика, составителя жития Николая Нового²⁷. Болгарский филолог С. Кожухаров на основании акростиха установил автора службы Николаю Новому – инок Андрея²⁸.

Большое внимание современных ученых уделено отраженным в житии Николая Софийского литературным образам и историческим реалиям – в частности, о них пишет болгарская исследовательница М. Цибранска-Костова²⁹.

Мученик Иоанн Новый Серрский и посвященные ему памятники долгое время были известны только в греческой традиции. Первое издание синаксарного греческого жития и службы Иоанну Новому было осуществлено в конце 1980-х гг. греческим ученым А.Д. Панайоту³⁰. В 2002 г. А.А. Турилов,

²² Яцимирский А.И. Мучение Георгия Нового Софийского, составленное псковским иеромонахом Ильей в 1539 году с заимствованиями из того же «Мучения» Цамблака, по Сборнику собрания свящ. Феофила Гепецкого 1552 года // *Он же*. Из истории славянской проповеди в Молдавии и Валахии XV–XVII вв. СПб, 1906. Тексты. С. 97–109.

²³ Калиганов И.И. Георгий Новый у восточных славян...

²⁴ Розов В. Служба и канон св. Николи Новом Софијском. Богословье. Београд, 1930. № 3. С. 205–219.

²⁵ Снегаров И. Поглед към изворите за св. Никола Софийски // Годишник на Софийския университет, Богословски факултет. Т. 9. София, 1931–1932. С. 1–58.

²⁶ Киселков В. Проуки и очерти по старобългарска литература. София, 1956. С. 350–363.

²⁷ Райчинов С. Матей Граматик – български писател от XVI в. Дисертация за присъждане на научната степен «кандидат на филологическите науки». Научен ръководител проф. Б. Ангелов. София, 1983.

²⁸ Кожухаров С. Тах Андрей – един незабелязан химнописец от XVI в. // Старобългарска литература. № 18. София, 1985. С. 150–160.

²⁹ Tsibranska-Kostova M. The Image of the Town: Medieval Sofia in Original Bulgarian Works from the 16th Century // *Studia Ceranea*. Vol. 5 (2015). P. 337–356; Цибранска-Костова М. Святой и общество: конфликты и ценности («Житие святого Николая Нового Софийского» Матвея Грамматика, XVI в.) // Взгляд на славянскую аксиологию. М., 2019. С. 9–35.

³⁰ Παπαγιώτου Α.Δ. Μανουήλ Κορινθίου Ἀκολουθία Ἰωάννου Νεομάρτυρος τοῦ ἐν Σέρραις Ἑλετηρὶς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν. Τ. 47. Ἀθήνα, 1987/1989. Σ. 423–445.

работая в Одесской Научной библиотеке им. Горького, обнаружил в сербском сборнике XVI в. славянское житие этого мученика. Хотя этот редкий памятник так и не был опубликован, он становилось предметом изучения некоторых ученых – так, российская исследовательница О.В. Лосева, сравнив греческую и славянскую версии, не обнаружила между ними прямого родства³¹.

До недавнего времени Антоний Супрасльский оставался забыт. Единственный список его славянского жития помещен в дополнении к Стишному Прологу на сентябрь-февраль (ГИМ. Увар. № 56-1). Исследователи обходили данную рукопись своим вниманием. Только в 1998 г. А.А. Турилов обнаружил житие св. Антония. Его статья в «Православной энциклопедии»³², вызвала интерес у польских исследователей в связи с историей Супрасльского монастыря³³. Самая ранняя публикация жития св. Антония была сделана (с разрешения А.А. Турилова) греческим ученым А.-Э. Н. Тахиаосом в книге об афонских новомучениках³⁴. В 2013 г. житие было опубликовано самим А.А. Туриловым³⁵.

Для раскрытия темы диссертации важны также работы, посвященные отражению самого явления мученичества на болгарских землях в греческой и болгарской средневековой литературе. Необходимо отметить историческую литературу, посвященную мученикам, пострадавшим за веру в XIV и XV вв. В первую очередь – это Иоанн Новый Сочавский, мученик из Трапезунда, погибший в 1330 г. в Белгороде Днестровском. Посвященное ему житие, как считается, было написано ок. 1402 г. известным славянским книжником Григорием Цамблаком, будущим митрополитом Киевским. Житие исследовалось и издавалось А.И. Яцимирским³⁶, а впоследствии к нему обращались болгарский филолог В. Киселков³⁷ и немецкий славист и византист Г. Подскальский³⁸. Другим известным ранним новомучеником был Георгий Старший Софийский, погибший в Адрианополе в 1437 г. Посвященный ему текст известен лишь по одному греческому сборнику XVI в.

³¹ Лосева О. Славянское и греческое жития новомученика Иоанна Серрского // Црквене студије. № 9. Ниш, 2012. С. 447–453.

³² Турилов А.А. Антоний Супрасльский // ПЭ. М., 2008. Т. 2. С. 680.

³³ Mironowicz A. Święty Antoni Supraski // ЕЛПШ. Czasopismo Katedry Teologii Prawosławnej Uniwersytetu w Białymstoku. Białystok, 2015, R. XVII (XXVIII), z. 29 (42). S. 11–24.

³⁴ Ταχιάος Α.-Αί. Ἀγῶστοι Ἀθωνίτες νεομάρτυρες. Ἀγίου Ὁρός, 2006. Σ. 11–49.

³⁵ Турилов А.А. Житие преподобномученика Антония Супрасльского... С. 265–275.

³⁶ Мучение Иоанна Нового Белградского // Яцимирский А.И. Из истории славянской проповеди в Молдавии: Неизвестные произведения Григория Цимблака, подражания ему и переводы монаха Гавриила. Санкт-Петербург, 1906. С. 1–11.

³⁷ Киселков В. Митрополит Григорий Цамблак. София, 1946.

³⁸ Podskalsky G. Theologische Literatur des Mittelalters: in Bulgarien und Serbien: 865–1459. München, 2000. S. 323–341.

и не считается житием как таковым³⁹. «Житие» Георгия Старшего изучалось и издавалось болгарским ученым Ап. Михайловым⁴⁰.

К вопросу балканского новомученичества в контексте межконфессиональных отношений обращаются некоторые современные западные ученые. В частности, американский ученый Т. Крстич в своей книге отмечает важную роль православного духовенства в наставлении святого на путь мученичества, говоря о явлении «импресарио мученичества»⁴¹.

Пристальное внимание в работе уделяется проблеме этнической и конфессиональной идентификации в XVI в., что вызвало необходимость обращения к историографии, посвященной этнокультурному самосознанию населения болгарских земель Османской империи. Этот вопрос по-прежнему дискуссионен, он остается в предметном поле как болгарских, так и российских ученых – при отсутствии собственных государств главную роль в сохранении идентичности болгар и других православных христиан на Балканах играла церковь. Особое внимание исследователей привлекала социальная структура и организация османского общества, в котором при контактах между различными группами населения главным дифференцирующим фактором являлась конфессиональная принадлежность. Ряд исследователей изучает болгарское этническое самосознание того времени, сравнивая его с турецким. Такой подход характерен для И.Ф. Макаровой⁴² и Ц. Георгиевой⁴³.

В новейших исследованиях делаются попытки использовать по отношению к православным сообществам на Балканах термин «конфессионализация», применяющийся к Центральной Европе, где в результате Реформации возникли противостоящие друг другу конфессиональные общности. Так, в статье греческого историка Й. Дзедопулоса расширение ряда балканских новомучеников в XVI в. объясняется консолидацией православных христиан в ответ на усиление позиций суннитского ислама⁴⁴.

³⁹ Темелски Хр. Георгий Софийский Старший // ПЭ. М., 2011. Т. 11. С. 11–12.

⁴⁰ Михайлов Ап. Един неизвестен софийски мъченик // Старобългарска лит-ра: Изслед. и мат-ли. София, 1971. Т. 1. С. 403–411.

⁴¹ Krstić T. Contested Conversions to Islam: Narratives of Religious Change in the Early Modern Ottoman Empire. Stanford, 2011. P. 125–132.

⁴² Макарова И.Ф. Болгары и турки в Османской империи: идеологические стереотипы и культурное взаимодействие // Славянский мир в третьем тысячелетии. Межкультурный и межконфессиональный диалог славянских народов. М., 2011. С. 161–171.

⁴³ Георгиева Ц. Христианство и ислямът в българското средновековие // Българското общество XV–XVIII век. София, 1999. С. 5–56.

⁴⁴ Tzedopoulos Y. Orthodox Martyrdom and Confessionalization in the Ottoman Empire, Late Fifteenth–Mid-Seventeenth Centuries // Krstić T., Terzioğlu D. (eds.) Entangled

Общие труды по истории Османской империи, привлекаемые нами, касаются широкого круга вопросов. В первую очередь это политическая история страны, представленная, в частности, в работах французского историка Р. Мантрана⁴⁵, турецкого ученого-османиста Х. Иналджика⁴⁶ и российского востоковеда Ю.А. Петросяна⁴⁷.

Изучение межконфессиональных отношений в Османской империи невозможно без понимания шариатских основ ее государственной идеологии и судопроизводства. Важной для интерпретации исламского правоведения в изложении его различных мазхабов (правовых школ) остается монография советского востоковеда И.П. Петрушевского «Ислам в Иране»⁴⁸.

Особенности внешней политики Османской империи исследуемого периода рассматривались в коллективной монографии, вышедшей под грифом Института славяноведения и балканистики АН СССР, в которой освещались тенденции в развитии политических связей между Османской империей и странами Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы⁴⁹. Эту проблематику в наши дни разрабатывает американский востоковед Д. Гоффман⁵⁰.

Положение болгарских земель под османской властью подробно рассматривается в болгарской историографии. Наибольшую значимость для диссертационной работы имеют исследования судебно-административной системы Османской империи. Эта проблематика представлена в трудах болгарского историка Р. Градевой, посвященных формированию османской управленческой системы⁵¹ и функционированию кадийских судов⁵². Отдельное место в ее изысканиях занимают вопросы межконфессиональных отношений,

Confessionalizations? Dialogic Perspectives on the Politics of Piety and Community Building in the Ottoman Empire, 15th–18th centuries. Piscataway, 2022. P. 349–352.

⁴⁵ История на Османската империя (под ред. Р. Мантран). София, 1999.

⁴⁶ Inalcik H. The Ottoman Empire. The Classical Age 1300–1600. London; New York: Weidenfeld and Nicholson, 1973.

⁴⁷ Петросян Ю.А. Османская империя. Могущество и гибель. М., 2017.

⁴⁸ Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII–XV веках (курс лекций) / Отв. ред. В.И. Беляев. Л., 1966.

⁴⁹ Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв.: главные тенденции политических взаимоотношений / Ред. коллегия: И.Б. Греков (отв. редактор), Л.В. Заборовский (отв. секретарь), Г.Г. Литаврин, С.Ф. Орешкова, Л.Е. Семёнова (зам. отв. редактора). М., 1984.

⁵⁰ Goffman D. The Ottoman Empire and Early Modern Europe. New approaches to European history. Cambridge, 2002.

⁵¹ Градева Р. О некоторых проблемах формирования османской системы управления (XIV – начало XVI в.) // Османская империя. Государственная власть и социально-политическая структура. М., 1990. С. 40–65.

⁵² Она же. Кадийският съд в българските земи (XV–XVIII в.) // М. Радева (съст.). Българското общество XV–XVIII в. София, 1999. С. 162–204.

часто в связи с деятельностью кадийского суда (немногочисленные дела о вероотступничестве)⁵³.

Проблема криптохристианства в Османской империи нашла отражение в работах американского историка С. Скенди⁵⁴, болгарского ученого С. Димитрова⁵⁵, сербской исследовательницы О. Зироевич⁵⁶.

Вопросам распространения ислама на Балканах в эпоху османского владычества посвящены работы болгарской балканистки А. Желязковой⁵⁷. Демографические изменения в балканских городах и сельской местности в контексте процесса исламизации привлекли внимание турецкого историка О.Л. Баркана⁵⁸ и болгарского ученого Н. Тодорова⁵⁹.

Положение православной церкви в османское время обстоятельно и подробно рассматривалось болгарским историком И. Снегаровым во втором томе монументального труда «История Охридской архиепископии-патриархии»⁶⁰. Положение болгарских кафедр в XV–XVIII вв. и их отношения с православным населением болгарских земель проанализированы в монографии болгарской ученой О. Тодоровой⁶¹. Отдельной исследовательской проблемой является положение Константинопольского патриархата, которому подчинялось большинство болгарских кафедр с начала XV в., а также его сложные отношения с османскими властями. Классической работой на эту тему справедливо считается монография британского историка-медиевиста С. Рансимэна, вышедшая в 1968 г. и позже переведенная на русский язык⁶².

Теоретическая значимость работы. Проведенный в диссертации анализ православно-мусульманских взаимоотношений в Османской империи на основе сочинений агиографии имеет важное значение для сравнительных исследований по истории культов святых мучеников в разных конфессиях.

⁵³ Gradeva R. Apostasy in Rumeli in the Middle of the Sixteenth Century // Arab Historical Review for Ottoman Studies. 2000. Vol. 22. P. 29–73.

⁵⁴ Skendi S. Crypto-Christianity in the Balkan Area under the Ottomans // Balkan cultural studies. New York, 1980. P. 233–257.

⁵⁵ Димитров С. Скрыто християнство и ислямизационните процеси в Османска държава // ИПр. 1987. № 3. С. 18–33.

⁵⁶ Zirojević O. Islamizacija na Južnoslovenskom prostoru: dvoverje. Beograd, 2003.

⁵⁷ Желязкова А. Разпространение на исляма в западнобалканските земи под османска власт, XV–XVIII век. София, 1990.

⁵⁸ Barkan Ö.L. Essai sur les données statistiques des registres de recensement dans l'Empire ottoman aux XVe et XVIe siècles // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 1957. Vol. 1, No. 1. P. 9–36.

⁵⁹ Тодоров Н. Балканский город XV–XIX вв. М., 1976.

⁶⁰ Снегаров И. История на Охридската архиепископия-патриаршия от падането и под турците до нейното унищожаване (1394–1767). Т. 2. София, 1931.

⁶¹ Тодорова О. Православната църква и българите XV–XVIII век. София, 1997.

⁶² Рансимэн С. Великая Церковь в пленении. История Греческой церкви от падения Константинополя в 1453 г. до 1821 г. СПб., 2006.

Заключения данного исследования позволяют скорректировать и детализировать сложившуюся в науке интерпретацию видов и функций межрелигиозного взаимодействия в различные периоды истории и в разных регионах Европы и мира.

Практическая значимость работы. Основные выводы исследования могут быть использованы при подготовке лекционных курсов, семинарских занятий, учебников и пособий по истории Балкан и болгарских земель в составе Османской империи, а также по истории славянских литератур.

Положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Положение православного населения болгарских земель Османской империи в XVI столетии имело определенные особенности, сближающие его с положением таких религиозных групп, как католики и иудеи. В отдельных вопросах они, благодаря своему особому статусу в глазах османских властей, обладали более привилегированным положением по сравнению с православным населением: бóльшим самоуправлением и бóльшими правами. При этом сами православные христиане при некоторых обстоятельствах также получали те права, которыми формально не обладали: специальные бераты разрешали священникам ездить верхом, а оружием могли владеть те православные, кто состоял на пограничной и иной службе в Османской империи. Даже работоторговлей, как свидетельствуют источники, занимались отнюдь не только мусульмане и иудеи, но и «плохие христиане».

2. Анализ текстов житий и иных славянских источников позволяет заключить, что заказчиками составления мартириев новых мучеников выступали иерархи православной церкви: митрополиты Софии и, в некоторых случаях, сам Константинопольский патриарх.

3. Обстоятельства возникновения и распространения культов новомучеников XVI в., небольшое число списков житий и посвященных святым изображений, а также довольно узкие географические пределы (западноболгарские земли, территории южной и северной Македонии, монастыри Афона, а также области на юге сербских земель), в которых появились эти памятники, позволяют говорить, что почитание новомучеников в болгарских землях сохраняло локальное значение в окрестностях конкретных религиозных центров (митрополий, монастырей). Однако в пределах болгарских земель не сформировались широкие традиции почитания этих балканских мучеников. При этом особое место занимает культ трех софийских новомучеников – св. Георгия Нового, св. Георгия Новейшего и св. Николая Нового – но и он не получил широкого распространения.

4. Невзирая на то, что изучаемые в исследовании культы, порожденные историческими обстоятельствами XVI века, в основном не получают широкого распространения (за исключением почитания св. Георгия Нового Софийского), жития этих новомучеников можно рассматривать как комплекс ценных исторических источников об особенностях жизни православных славян под властью Османской империи. В ряде важных с исторической точки зрения аспектов жития обладают значительной достоверностью.

5. Османский правитель представлен в рассматриваемой агиографии в неоднозначном ключе, к его власти апеллируют как мусульмане, так и христиане. Подобный образ султанской власти может указывать на имевшиеся у православных жителей Балкан и, конкретно, православных книжников представления о формальной законности власти султанов. Однако этот образ может быть также связан с идеей о скором конце света: османский султан в таком случае выступает в качестве орудия Бога, которому остается лишь подчиниться.

6. Наделенная некоторыми положительными чертами фигура шариатского судьи в балканских мартириях связана с библейским образом Понтия Пилата и представлениями о законности суда, пусть и иноверного. Судья, невзирая на свое мусульманское вероисповедание, поддерживает порядок во время заседаний и не спешит с вынесением приговора христианину – не только потому, что оберегает законность, но и потому, что, подобно Пилату, видит невиновность будущего мученика.

7. Представленные в славянской агиографии особенности правоприменения в Османской империи XVI в. в целом соответствуют действительности: в житиях находят свое место черты утвердившегося к тому времени в Румелии ханафитского мазхаба (правовой школы): в частности, его более мягкое (в сравнении с другими мазхабами) отношение к неофитам ислама.

8. Османская практика девширме или «налога кровью» подробно описывается только в русском житии св. Георгия Нового Софийского, что может объясняться желанием составителей текста познакомить русского читателя с трудностями жизни православных христиан под османской властью на Балканах. При этом описание «налога кровью» составлено на основании свидетельств южнославянских единоверцев, и сопоставление со сведениями из иных источников показывает точность имеющейся в русском житии информации о девширме.

9. В православной агиографии XVI в. рядовые члены мусульманской общины описаны как обезличенная, фанатично настроенная толпа, стремящаяся всеми силами погубить христиан. При этом отдельные

мусульмане-герои житий устанавливают с христианами отношения, выходящие за разрешенные православной церковью рамки. Однако авторы житий предостерегают своих читателей от слишком тесного взаимодействия с иноверцами, поскольку оно всегда приводит к трагическим для христианина последствиям. С этими же назидательными целями агиографы подчеркивают невысокий, как правило, социальный статус героев своих сочинений, которые не имеют прямого отношения к церковной иерархии и, несмотря на частые контакты с иноверцами, вплоть до своей мученической кончины доказывают верность православию.

10. Образ преданного вере новомученика отчасти создается агиографами как противопоставление криптохристианину, т.е. христианину, который скрывает свою веру под маской мусульманина. Главные герои некоторых из рассматриваемых житий отвергают скрытое христианство, выбирая гибель за православную веру – данный мотив также служит назидательным целям агиографов. В этом смысле жития новомучеников можно понимать как сознательное формирование определенного пласта конфессиональной литературы, целью которой было представить пастве идеальный образ их современника, православного человека XVI в., осознанно пострадавшего за веру. При этом образ единственного в изучаемых памятниках явного криптохристианина – «сарацина» из южнославянского жития св. Георгия Нового – вероятно, был вдохновлен евангельской фигурой Иосифа Аримафейского и поэтому может являться литературной конструкцией.

Апробация результатов диссертационного исследования

Результаты исследования были представлены в виде докладов на 11 научных конференциях и форумах: конференции «Славяне и их соседи. Религиозные меньшинства в славянском мире в позднее Средневековье и раннее Новое время» (Москва, Институт славяноведения РАН, 7 декабря 2021 г.); конференциях молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры «Славянский мир: общность и многообразие» (Москва, Институт славяноведения РАН, 24–25 мая 2022 г.; 23–24 мая 2023 г.; 21–22 мая 2024 г.); конференции «Semper florens: к юбилею Бориса Николаевича Флори» (Москва, ГПИБ, 7 февраля 2023 г.); XII Международной научной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси» (Москва, Институт российской истории РАН, 11–15 сентября 2023 г.); VIII Всероссийском молодежном научном форуме «Наука будущего — наука молодых» (Орел, Орловский государственный университет, 20–23 сентября 2023 г.); «III Всероссийском совещании славистов» (Москва, Институт славяноведения РАН, 24–26 октября 2023 г.); конференции «Балканы, Малая

Азия, Кавказ: исторические, культурные и языковые связи» (Москва, Институт славяноведения РАН, 6 февраля 2024 г.); IX международных славянских чтениях «Проблема национально-культурной идентичности славянских народов» (Москва, Институт славянской культуры, 26 апреля 2024 г.); конференции «Славяне и их соседи. Этнические и конфессиональные сообщества в славянском мире в Средние века и раннее Новое время: условия существования, взаимоотношения и стратегии выживания» (Москва, Институт славяноведения РАН, 17 декабря 2024 г.).

Основное содержание работы

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка источников и литературы, списка сокращений и приложения.

Во **введении** определяется актуальность темы исследования, содержится определение его объекта, предмета, целей и задач, обосновывается научная новизна и актуальность выбранной темы, теоретическая и практическая значимость, а также хронологические и географические рамки работы, характеризуются источники, историография, методы, освещена апробация полученных результатов.

В **первой главе** рассматриваются основные особенности административно-правовой системы Османской империи, а также положение православного населения и представителей иных религиозных меньшинств под иноверной властью.

Первый параграф посвящен завоеванию болгарских земель Османской империей.

Во *втором параграфе* рассматривается процесс установления Османским государством административной и судебно-административной системы на Балканах, важную роль в которой играли шариатские судьи – кадии. Полномочия кадия не были ограничены юридическими функциями. Судья занимался также вопросами экономики и торговли, в его ведении находился процесс раздачи и отъема земельных наделов. Кадии решали вопросы, связанные с деятельностью местных религиозных общин. Без разрешения кадия нельзя было отремонтировать старую православную церковь и построить новую, как нельзя было совершить перенос святых мощей или восстановить монастырскую обитель.

Третий параграф характеризует административный статус православного населения под иноверной властью. Вопросы местного самоуправления решали главы отдельных общин, а османские власти старались не вмешиваться в их деятельность при условии соблюдения определенных ограничений, а также выплаты установленных дани и налогов. На самом высоком уровне

конфессиональные вопросы могли решаться при участии константинопольского патриарха, хотя его полномочия за пределами церковной компетенции были ограничены. Османские власти использовали меры конфессионального угнетения иноверного населения, например, запрет на строительство колоколен, ограничения в открытом исполнении христианских обрядов. Благодаря этому, а также дополнительным налогам на немусульман, мусульманская вера быстро распространялась среди населения болгарских земель.

В *четвертом параграфе* рассматривается положение малых конфессиональных групп в болгарских землях Османской империи. Католики в основном были представлены купцами из Дубровника – с ними османские власти заключали отдельные договоры, даровавшие им самоуправление в обмен на выплату налогов и участие в выгодных для империи экономических операциях. Самоуправление предоставлялось также иудеям, положение которых имело значительное сходство с другими немусульманами, но при этом иудеи жили более замкнутыми общинами.

Как подчеркивается в *пятом параграфе*, одним из признаков привилегированного статуса в Османской империи было владение рабами. Несмотря на запреты центральной власти, этим правом фактически обладали и немусульмане, прежде всего иудеи, но также обеспеченные христиане. Основным источником поступления рабов было завоевание новых земель, а также грабительские набеги. Если в XIV и XV вв. среди рабов встречалось немало этнических болгар, то уже в XVI в. рабами главным образом были выходцы из Венгрии, немецких земель, Хорватии, Боснии, Италии и Испании – тех государств, которые Османская империя завоевала или с которыми она конфликтовала.

В *шестом параграфе* изучается положение православной церкви под османской властью. С завоеванием болгарских земель исчезла Болгарская (Тырновская) церковь, бóльшая часть бывших болгарских кафедр подчинились или Константинопольскому патриархату, или Охридской архиепископии. В XVI в. произошло еще одно изменение в церковной организации – была восстановлена сербская Печская патриархия, под контроль которой перешли некоторые западноболгарские церковные центры. Самые крупные кафедры занимали греки, и только на низовом, приходском уровне священниками оставались этнические болгары.

Вторая глава посвящена житиям балканских мучеников и формированию традиций их почитания, а также другим памятникам агиографии.

В *первом параграфе* раскрывается, каким образом развивалась болгарская культура и литература в условиях иноконфессионального владычества. Завоевание болгарских земель Османской империей в конце XIV в. нанесло серьезный урон болгарской культуре, но не уничтожило ее полностью. Не исчезли традиции средневековой болгарской литературы, связанные с наследием Тырновской книжной школы, они сохранялись и в XVI в., когда развивались новые центры книжности – София, Кратово и монастыри Афона.

Во *втором параграфе* основное внимание уделяется мартириям православных святых, погибших в XVI в., а также оценивается масштаб почитания того или иного святого. Только житие Георгия Нового Софийского сохранилось в более чем одном списке XVI в., тогда как другие произведения известны в единственных списках. Об отсутствии широкой традиции почитания святых говорит и сравнительно небольшое число памятников изобразительного искусства – фресок и икон XVI в. – и чрезвычайно ограниченная область их распространения: западноболгарские и сербские земли, а также Хиландарский монастырь на Афоне. Делается вывод о том, что основным заказчиком составления агиографических сочинений выступала православная церковь в лице отдельных иерархов, в частности, митрополитов Софии. Помимо желания укрепить веру паствы своей кафедры, они также преследовали цель создать пантеон православных мучеников, однако возможности отдельных книжных центров при отсутствии светской элиты были ограничены. Поэтому на Балканах можно отметить складывание лишь местных культов, среди которых, однако, нашлось место культу софийских новомучеников, представленному не только житиями и службами, но и «Похвальной беседой». Но и он не получил широкого распространения. Противоположная картина наблюдается в Московском государстве, где дошедшая с Балкан весть о мучении юноши Георгия превратилась в прочную агиографическую традицию.

В *третьем параграфе* рассматривается вопрос о том, насколько мартирии XVI в. наследуют памятникам предшествующих периодов – не только болгарской средневековой литературы, но и византийской агиографии. Образы главных и второстепенных героев мартирия, очевидно, вдохновлены похожими героями из мартириев раннехристианских мучеников, чьи образы в свою очередь восходят к евангельским рассказам. При этом сочинения XVI в. обладают своими особенностями, в частности, в них можно найти довольно точную передачу реалий Османской империи и множество исторических отсылок.

В **третьей главе** исследуется образ османской власти в славянской агиографии XVI в. в лице правителей и мусульманских судей.

В *первом параграфе* отмечается, что описания и оценки их в агиографии неоднозначны. В первую очередь это касается султанов, которые нередко лишены заметных негативных черт. Наиболее часто султанов называют сильными и могущественными, иногда они выступают в качестве арбитров, решая судьбу обвиняемого христианина. Даже описывая сражения между османскими султанами и православными балканскими правителями (например, князем Лазарем), авторы житий рассматривают успехи иноверных «царей» как своего рода стихийное бедствие, которому невозможно сопротивляться. Эти образы встречаются и в произведениях более раннего времени и, как считается, носят во многом эсхатологический характер.

Во *втором параграфе* реконструированы образы шариатских судей. Достаточно нейтральный, а иногда и положительный образ кадиев, вероятно, восходит к фигуре Понтия Пилата. Судья не спешит выносить приговор, потому что видит невиновность будущего мученика. При этом он всячески искушает христианина возможностью спастись через обращение в ислам. Из южнославянских памятников несколько выделяется только житие Иоанна Нового Серрского, в котором судья выступает в роли одного из главных мучителей и сначала переходит к пыткам и лишь затем старается обратить мученика в ислам с помощью увещаний. Но даже в этом случае судья выслушивает свидетелей, среди которых были христиане, и обращается за советом к султану. Эти эпизоды, видимо, достаточно точно отражают османскую действительность.

В *третьем параграфе* изучается соответствие реалиям описанных в славянской агиографии особенностей мусульманского права и правоприменения Османской империи XVI в. Речь идет об утверждении на Балканах ханафитского мазхаба – более мягкого по отношению к иноверцам и неофитам ислама, и отдельных османских практик, в частности, девширме. Делается вывод, что в житиях балканских мучеников достаточно верно представлены основные черты ханафитского мазхаба в его отношении к новообращенным мусульманам и православным христианам. Описание девширме можно найти только во вступлении к русскому житию Георгия Нового. Сопоставление со сведениями из иных источников свидетельствует о точности имеющейся в русском житии информации об этой практике. В южнославянском житии св. Георгия встречается лишь косвенное упоминание о девширме, от которого будущему мученику, возможно, удалось успешно уклониться, сменив место жительства.

В **четвертой главе** детально исследован представленный в житиях балканских мучеников образ мусульман-подданных султана и т.н. «мусульманской толпы», фанатично настроенной по отношению к христианам.

Здесь же предпринят анализ взаимодействия христиан с отдельными мусульманами.

В *первом параграфе* рассматриваются характеристики «простых» мусульман, которые описываются в славянской агиографии крайне негативно. Они обычно лишены индивидуальности, сливаясь в безликую толпу «агарян». Именно такая толпа приводит будущего мученика на суд и способствует его казни.

Во *втором параграфе* изучаются примеры иного характера. Удалось выяснить, что в некоторых житийных памятниках, в особенности в обширном житии Николая Нового Софийского, встречаются такие случаи взаимодействия христиан с мусульманами, которые не вписываются в обозначенные выше рамки. Например, подмастерья-мусульмане, которые обучались сапожному делу у Николая, а затем пригласили его на совместное пиршество. Примечателен факт межконфессионального взаимодействия, выходящий за разрешенные церковью рамки. При этом подобное взаимодействие привело к негативным для главного героя жития последствиям: он был обманом обращен в ислам. Предположительно, авторы житий, имевшие связи с церковью, таким образом предостерегали читателей от тесного взаимодействия с иноверцами, которое вряд ли было редким. Эти факты довольно точно отражают сложную, полирелигиозную и поликультурную среду, которая сложилась к середине XVI в. в Софии и на болгарских землях Османской империи в целом.

Третий параграф посвящен феномену криптохристиан и криптохристианства. Главные герои некоторых житий – Георгий Новый и Николай Новый Софийские – отвергают скрытое христианство, выбирая гибель за православную веру. Высказывается идея, что мотив об отказе от альтернативы криптохристианства в пользу мученичества служит назидательным целям агиографов. При этом подлинным тайным христианином во всей рассматриваемой агиографии, вероятно, был только «сарацин» из южнославянского жития Георгия Нового. Судя по всему, этот «сарацин» был членом мусульманской общины, но при этом скрытно отправлял христианские обряды. Нельзя исключать, что его образ был полностью вдохновлен историей Иосифа Аримафейского из Евангелия от Иоанна. Однако факт переноса библейской истории на балканскую почву XVI в. в любом случае заслуживает внимания.

В **заключении** подводятся основные итоги исследования. В славянских житийных произведениях XVI в. нашли самое широкое отражение межконфессиональные отношения османских властей и мусульманского населения на Балканах с православными славянскими подданными султанов, причем в образах, достаточно близких к реалиям этого времени. Эти

межконфессиональные отношения не ограничиваются только главным сюжетом житий, связанным с судебным процессом над будущим святым, но и находят свое проявление в различных формах социального взаимодействия христиан и мусульман Османской империи: в области ремесла, торговли и даже в личной сфере. В славянской агиографии XVI в. имеются сведения о таких явлениях османских Балкан, как криптохристианство и девширме. Большой достоверностью обладает представленный в мартириях образ кадийского суда и самого кадия, который, следуя законам шариата, соблюдает правила, выслушивает свидетелей и не спешит с вынесением приговора. Встречающаяся в отдельных произведениях агиографии информация об истории Османской империи и сопредельных стран также во многом точна. Вместе с тем, славянская агиография наполнена библейскими отсылками, которые тесно переплетаются с османскими реалиями, она отражает религиозные представления своих авторов, связанных с церковью, их попытки сформировать идеальный образ православного человека: мученика, готового отдать жизнь за свою веру. Все это позволяет говорить о славянской агиографии XVI в. как о вполне точном и содержательном источнике по обозначенной теме, хотя и обладающим своими жанровыми особенностями.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах:

1. В рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования России, и в периодических изданиях, входящих в рекомендованные ВАК международные реферативные базы данных и системы цитирования при Минобрнауки РФ:

1) *Евстафьев Н.В.* Образ мусульманского судьи (кадия) в славянской агиографии XVI века // Славяноведение. 2022. № 4. С. 56–66. DOI: 10.31857/S0869544X0021052-0 (0,6 п.л.).

2) *Евстафьев Н.В.* Христиане и простые мусульмане в славянских житиях XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1 (91). М., 2023. С. 55–60. DOI: 10.25986/IRI.2023.91.1.009 (0,5 п.л.).

3) *Евстафьев Н.В.* Взгляд христианских авторов на практику девширме в Османской империи XVI в. // Славяноведение. 2024. № 4. С. 16–25. DOI: 10.31857/S0869544X24040029 (0,6 п.л.).

4) *Евстафьев Н.В.* Образ представителей османской власти в житиях балканских мучеников XVI века // Славяноведение. 2025. № 2. С. 34–49. DOI: 10.31857/S0869544X25020039 (0,9 п.л.).

5) *Евстафьев Н.В.* Явление криптохристианства в житиях балканских мучеников XVI в. // Славянский альманах. 2025. № 1–2. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.20 (0,7 а.л.). (в печати).

6) *Евстафьев Н.В.* «Импресарио мученичества» как явление в славянской агиографии XVI в.: особенности конфессиональной эпохи на Балканах // *Historia provinciae* – журнал региональной истории (1,3 а.л.). (в печати).

2. Публикации в других изданиях:

7) *Евстафьев Н.В.* Образ стража-мусульманина в славянских житиях XVI в. // «Славянский мир: общность и многообразие»: тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 24–25 мая 2022 г. М., 2022. С. 4–8. DOI: 10.31168/2619-0869.2022.1.01 (0,3 п.л.).

8) *Евстафьев Н.В.* Образ мусульман в южнославянском и русском житиях св. Георгия Нового Софийского: общее и различное // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Материалы XII Международной научной конференции. 11–15 сентября 2023 г., Москва, Россия. М., 2023. С. 188–189. (0,1 п.л.).

9) *Евстафьев Н.В.* Христиане и мусульмане Балкан в житиях православных святых XVI в.: опыт осмысления межконфессиональных отношений // Сборник тезисов докладов участников V Международной научной конференции «Наука будущего» и VIII Всероссийского молодежного научного форума «Наука будущего — наука молодых». Орел, 2023. С. 44. (0,1 п.л.).

10) *Евстафьев Н.В.* Мусульманское право Османской империи в житиях балканских мучеников XVI в. // Славянский мир: общность и многообразие. Материалы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 23–24 мая 2023 г. М., 2023. С. 110–114. DOI: 10.31168/2619-0869.2023.1.21 (0,3 п.л.).

11) *Евстафьев Н.В.* Европейские авторы XVI в. в поисках меритократии и веротерпимости в Османской империи: специфика конфессиональной эпохи // Славянский мир: общность и многообразие. Материалы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 21–22 мая 2024 г. М., 2024. С. 9–16. DOI: 10.31168/2619-0869.2024.02 (0,4 п.л.).

Подписано в печать 08.04.2025 г.

Объем: 1,5 п.л. Формат 60х90/16. Тираж 100 экз.